A 219/1324

05

Д 219
1324.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

Правда о Мухаммедѣ.

(Краткая исторія жизни Мухаммеда).

Личность Мухаммеда, основателя мухаммеданской религіи, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ, кто интересуется религіозною жизнью народовъ. Достаточно одного того, что вотъ уже нѣсколько столѣтій съ именемъ Мухаммеда умираютъ милліоны людей, при каждомъ жизненномъ случаѣ вспоминаютъ это имя, чтобы признать мнимаго пророка мухаммеданъ замѣчательною личностью. Какою-то удивительною, непостижимою силою онъ сковалъ массы людей и держитъ ихъ въ своихъ оковахъ. И напрасно эти вымученные рабы своего господина стремятся освободиться изъ оковъ его. Еще долго это имя будетъ произноситься его почитателями съ благоговѣніемъ. Для мыслящихъ же людей оно останется памятнымъ навсегда. Кто же онъ былъ этотъ великій человѣкъ? Мухаммедъ-исчадіе ада, воплощеніе зла: онъ плутъ, лгунъ, обманщикъ. Мухаммедъ-человѣкъ святой, пророкъ, стоявшій въ прямомъ общеніи съ Богомъ. Вотъ двѣ крайности, которые мы слышимъ о Мухаммедѣ. По нашему мнѣнію Мухаммедъ былъ ни то, ни другое. Онъ былъ сынъ своего народа, можетъ быть лучшій его сынъ. Но не болѣе этого. Достоинства и недостатки Мухаммеда были достоинствами и недостатками его народа. Онъ вывелъ свой народъ изъ дикаго состоянія, но прекратилъ всякій ходъ и движеніе по пути прогресса дольнѣйшимъ своимъ послѣдователямъ.

За многое онъ заслуживаетъ похвалы, за многое порицанія. Онъ былъ и по душѣ и по тѣлу простой, необразованный арабъ, который не могъ сдѣлать больше того, что ему давала его страна и люди. Высказанный нами срединный взглядъ на Мухаммеда, по нашему мнѣнію, самый правдивой взглядъ. Этотъ взглядъ лежитъ въ основаніи нашей статьи о Мухаммедѣ.

Родина Мухаммеда.

Мухаммедъ былъ сынъ счастливой Аравіи.

Этотъ дикій пустынный полуостровъ населяло семитическое племя арабовъ, очень близкое и родственное и по языку, и по природнымъ качествамъ и даже по мѣстожительству съ евреями. Весь этотъ народъ не представлялъ чего-нибудь цѣлаго, единаго, — напротивъ, онъ былъ разбитъ на отдѣльные немногочисленные роды, у которыхъ общаго было только то, что они заселяли Аравійскій полуостровъ и говорили однимъ языкомъ. Арабы находились въ постоянной между собой враждѣ и пріобрѣтали грабежомъ все необходимое для своего существованія. Нѣкоторые изъ нихъ занимались торговлею, снаряжали караваны, ежегодно отправляемые съ юга Аравіи въ Сирію и Мессопотамію. Эти караваны по обыкновенію останавливались въ мѣстахъ, гдѣ была вода растительность, въ такъ называемыхъ оазисахъ. Впослѣдствіи на этихъ мѣстахъ основались селенія, а затѣмъ и города, изъ которыхъ главные въ Хаджизѣ, извѣстной мѣстности Аравіи, были Мекка и Ятрибъ, нынѣ Медина. Въ эти города арабы собирались для торговли и литературныхъ занятій, причемъ лучшія литературныя произведенія вышивались золотомъ и вѣшались въ Каабѣ.

Арабы считали себя потомками патріарха Авраама, черезъ сына его Измаила, и онъ былъ у нихъ въ большомъ почетѣ. Языкъ арабовъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ еврейскимъ и дѣйствительно указываетъ на сродство между ними и евреями. По арабскимъ преданіямъ знаменитый источникъ воды „земъ-земъ,“ въ долинѣ около г. Мекки, былъ именно тотъ источникъ, который открылъ Архангелъ Гавріилъ, чтобы утомлить жажду Агари, служанки Авраама, съ ея

2007056205

сыномъ Измаиломъ (Быт. гл. 16 и 21). Далѣе преданія гласятъ, что Авраамъ, при посѣщеніи сына своего Измаила, построилъ своими руками, недалеко отъ этого источника, хижину-Каабу, которая впослѣдствіи сдѣлалась предметомъ почитанія у арабовъ. Это зданіе находилось около города Мекки, куда еще до появленія Мухаммеда съ давнихъ поръ стекался народъ на богомолье. [1]).

Можно думать, что первоначально арабы были почитателями истиннаго Бога. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока среди нихъ живы были преданія о праотцѣ ихъ Авраамѣ и объ исповѣдуемой ими религіи. Впослѣдствіи вѣру въ истиннаго Бога они превратили въ самое грубое идолопоклонство. Кааба стала храмомъ идоловъ. Здѣсь каждое племя имѣло своего бога-идола, которому они и поклонялись. А такъ какъ арабскихъ родовъ было много, то и идоловъ вокругъ Каабы и въ ней набралось до четырехъ сотъ. Для каждаго племени были свои кагины прорицатели, которые пользовались, по вѣрованію арабовъ, особымъ благоволѣніемъ боговъ, получали отъ нихъ откровенія и передавали ихъ людямъ. Должно однако сказать, что идолопоклонство видимо не удовлетворяло арабовъ и они охотно прислушивались къ религіознымъ толкамъ окружающихъ ихъ народностей. Да и сама Кааба заключала въ себѣ нетолько идоловъ, но и статуи Пресвятой Дѣвы, Божественнаго младенца и пр. Среди арабовъ жили іуден и различныя іудейскіе и христіан-

---

[1]) Изъ исторіи Авраама, написанной Моисеемъ, древнѣйшей и единственной, изъ которой можно получить свѣдѣнія о жизни этого патріарха, мы узнаемъ, что Авраамъ никогда не былъ тамъ, гдѣ городъ Мекка, и, слѣдовательно, не строилъ каабы въ Меккѣ (см. соч. Г. С. Саблукова: „Разсказы мухаммеданъ о кыблѣ“ стр. 102—119). На основаніи 19 стиха поэмы (моаллакаты) арабскаго поэта Зогейръ-бенъ-Абу-Сольма, современника Мухаммеда, Г. С. Саблуковъ вполнѣ доказываетъ, что Кааба была языческимъ храмомъ „нѣкоторыми изъ Корейшитовъ и Джоргомитовъ“ не ранѣе, какъ за 500 лѣтъ до появленія Мухаммеда (см. Разсказы мухаммеданъ о кыблѣ стр. 149—157).

скіе сектанты. Всѣ они оказывали сильное воздѣйствіе на арабовъ, а вмѣстѣ съ ними и на ихъ будущаго пророка. Для этого достаточно только сравнить вѣроученіе этихъ сектантовъ и вѣроученіе Корана. Напр. Эвіопиты предлагали свое ученіе объ откровеніи. Божественное откровеніе впервые было дано Адаму. но такъ какъ, передаваясь устно, оно скоро было искажено, то Богъ возстановлялъ его черезъ избранныхъ мужей, въ лицѣ патріарховъ и пророковъ, каковы были: Авраамъ, Моисей, Давидъ, Христосъ. Это ученіе о пророчествѣ мы встрѣчаемъ и у Мухаммеда. И на практикѣ ему не разъ приходилось, для оправданія своихъ историческихъ ошибокъ прибѣгать къ заявленію объ откровеніяхъ и поправкахъ въ оныхъ. Ессеи имѣли свои свитки Библіи, нѣсколько отличные отъ еврейскихъ, которые, по ихъ вѣрованію, были открыты еще Аврааму. И у Мухаммеданъ до настоящаго времени хранится ученіе о спискахъ, ниспосланныхъ Аврааму. Подъ вліяніемъ іудейства и христіанства образовалось въ Аравіи особое направленіе людей ганифовъ. Ихъ вѣроученіе представляло изъ себя чистѣйшее изложеніе единобожія. Повидимому, люди, близкіе къ Мухаммеду были именно ганифами,—таковыми называютъ близкихъ родственниковъ его жены—Вараку, Зейда и др. Они тоже имѣли свое значеніе для образованія ученія Мухаммеда.

Изъ смѣшенія различныхъ взглядовъ, міровоззрѣній Мухаммедъ образовалъ новую религію. Ее можно назвать національною религіею арабовъ. Она наиболѣе подходила къ простотѣ арабовъ, ихъ неразвитости, независимости и ихъ чувственности. На ней отобразились многія черты, свойственныя арабамъ. Въ большомъ почетѣ у арабовъ была хитрость, эта черта, уважаемая арабами, усвояется Богу. (Кор. 8, 30); 3, 47; 8, 30; 14, 47). У арабовъ былъ обычай мстить за обиду. И вотъ ихъ пророкъ провозглашаетъ: „въ мести жизнь для васъ, люди разсудительные!“ (Кор. 2, 175). Страстность занимаетъ не послѣднее мѣсто въ характерѣ араба. Опять религія идетъ на встрѣчу ихъ склонностямъ. Она благословляетъ многоженство (Кор. 23, 5—7;) Прохладная тѣнь подъ деревьями и вода за недостаткомъ ихъ въ Аравіи всегда составляли предметъ мечтаній для араба. Всѣ эти удовольствія въ загробномъ мірѣ Мухаммедъ обѣщаетъ арабамъ. (Кор. 9, 75, 13, 23; 2, 23; 3, 13).

Арабы увидѣли въ этой религіи свою душу, увидѣли, что она исходитъ изъ ихъ существа жизни и условій природы. Всѣ ихъ симпатій направились къ этой религіи, а Мухаммедъ сдѣлался ихъ верховнымъ главою и руководителемъ.

Рожденіе Мухаммеда и его дѣтскіе годы.

Мухаммедъ (арабское слово; въ переводѣ на русскій значитъ прославленный, достохвальный) [1]) родился въ городѣ Меккѣ 20 апрѣля 571 г.. Онъ происходилъ, изъ знаменитаго племени Корейшитовъ, которое было господствующимъ въ Меккѣ. Въ числѣ предковъ Мухаммеда называютъ знаменитаго Косая, который захватилъ власть въ Меккѣ и далъ племени Корейшитовъ преобладающее значеніе. Родители Мухаммела,—отецъ Абдаллахъ, сынъ Абдулъ—Мутталиба и мать Амина, не смотря на знатность происхожденія, были бѣдны Отецъ немного не дожилъ до рожденія сына. Онъ былъ съ караваномъ въ Ятрибѣ и тамъ умеръ. Немного онъ оставилъ сыну наслѣдства. пять верблюдовъ, козье стадо и рабыню. Потому будущій руководитель арабовъ на первыхъ порахъ своей жизни принужденъ былъ проводить бѣдную жизнь.

По легендамъ и основаннымъ на нихъ лѣтописямъ, рожденіе младенца сопровождалось многими чудесами, которымъ и въ настоящее время вѣритъ міръ ислама, хотя этотъ самый міръ и увѣряетъ, что его религія ясна, раціональна

---

[1]) По гречески слово—славный, прославленный переводится—*περικλυτός*. Замѣнивъ этимъ словомъ евангельское слово *παράκλητος*—утѣшитель Мухаммедъ, а за нимъ и мухаммедане относятъ пророчество Іисуса Христа о Духѣ утѣшителѣ (Іоан. 14, 16—17) къ Мухаммеду (Кор. 61, 6). Все это показываетъ, что ни Мухаммедъ, ни его послѣдователи не знали надлежащимъ образомъ ни словъ Іисуса Христа объ утѣшителѣ, Духѣ Святомъ (Іоан. 14, 16. 17.; 15, 26), ни исполненія этого пророчества Христа (Дѣян. Ап. 2, 1—33).

и чужда таинственности. Ночью, въ минуту появленія его на свѣтъ, вдругъ великое небесное сіяніе освѣтило всю окрестность и новорожденный возведя глаза къ небу, воскликнулъ яснымъ и громкимъ голосомъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога; Мухаммедъ—пророкъ Его. Дворецъ Хозроя, царя Персидскаго, страшно поколебался, и многія изъ башенъ его разрушились, а Кади. судія Персіи, видѣлъ во снѣ, что арабскій конь побѣдилъ свирѣпаго персидскаго верблюда. По утру онъ разсказалъ свой сонъ Хозрою, и объяснялъ ему, что сонъ этотъ предвѣщаетъ грядущую опасность отъ Аравіи. Въ эту же достопамятную ночь священный огонь Зороастра, который тщательно поддерживался волхвами и непрерывно горѣлъ болѣе тысячи лѣтъ, внезапно погасъ и всѣ идолы въ мірѣ попадали съ мѣстъ своихъ. Мать ребенка разсказывала также, что еще во время своей беременности изъ ея утробы исходилъ свѣтъ, освѣщавшій въ ея глазахъ всю вселенную. Разсказывала также и кормилица Галима, что, когда она везла порученное ей дитя къ себѣ въ пустыню, оселъ, на которомъ она ѣхала, провозгласилъ человѣческимъ голосомъ, что покойвшійся на его хребтѣ ребенокъ сдѣлается главою небесныхъ посланниковъ.—Овцы, мимо которыхъ они ѣхали, кланялись имъ до земли и даже луна, залюбовавшись младенцемъ, остановила свое теченіе.

Вслѣдствіе смерти отца, Мухаммедъ остался на попеченіи матери и такъ какъ мать Мухаммеда не отличалась особеннымъ здоровьемъ, то отдала сына на вскормленіе бѣдной бедуинкѣ Галимѣ. Довольная своимъ молочнымъ сыномъ, Галима устроила его въ корзинѣ, которую и прикрѣпила на хребтѣ ослика вмѣстѣ съ кувшиномъ воды изъ Земъ-земъ. Ей, почувствовавшей къ ребенку материнскую нѣжность, могло и дѣйствительно показаться, что овцы, мимо которыхъ они пробирались къ шатру, поставленному за городомъ, у предгорія, любовно кивали имъ своими мордочками.

Къ дѣтскимъ годамъ Мухаммеда относятъ событіе, не лишенное интереса. Когда мальчику было пять лѣтъ, онъ, однажды играя со сверстниками, впалъ въ нервное состояніе и обморокъ, такъ что его товарищи по играмъ сочли его мертвымъ. Они прибѣжали къ кормилицѣ съ извѣстіемъ, что маленькій Мухаммедъ лежитъ за шатромъ съ пѣною

у рта и съ выкатившимися зрачками и по временамъ вздрагиваетъ какъ ужаленный змѣею. Имѣвшаяся въ запасѣ вода изъ колодезя Земъ-зема привела его въ себя. Мухамме дане впослѣдствіи по своему объяснили это событіе. Они увѣряютъ, что это ангелъ Гавріилъ распоролъ грудь Мухаммеду и очистилъ его внутренность отъ грѣховности. Естественнѣе конечно смотрѣть на это событіе, какъ на начатокъ тѣхъ болѣзненныхъ эпилептическихъ припадковъ, которыми Мухаммедъ страдалъ въ теченіи своей жизни.

По смерти матери Мухаммедъ поступилъ въ семью старшаго въ родѣ дѣда Абдулъ—Мутталиба, а затѣмъ, когда дѣдъ умеръ, перешелъ къ слѣдующему старшинѣ рода дядѣ Абу Талибу. Подросши, Мухаммедъ сопровождалъ дядю Абу Талиба съ его торговыми караванами. При этомъ онъ видѣлъ много новаго. Встрѣчалъ новыхъ людей, бесѣдовалъ съ ними, прислушивался ко всему и жадно воспринималъ все, что интересовало и соотвѣтствовало его душевному настроенію.

Мухаммедъ былъ средняго роста, довольно нѣжнаго сложенія, съ выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ густою черною бородою, съ большими, черными, выразительными глазами и очень обильнымъ количествомъ волосъ, ниспадавшихъ на его плечи.

Неудивительно послѣ этого, что онъ обратилъ вниманіе богатой вдовы Хадиджи. Она взяла его къ себѣ въ приказчики.

Будучи расторопнымъ въ торговлѣ, онъ удачно велъ ея дѣла и вскорѣ заслужилъ ея любовь. Кажется до этой поры онъ имѣлъ слабое понятіе о женщинахъ и это удвоивало его привлекательную силу, особенно въ глазахъ женщины, уже довольно пожившей (38 л.) и имѣвшей двухъ мужей. Однажды Хадиджа, по ея словамъ, находясь на кровлѣ своего дома съ толпою рабомъ, увидѣла надъ головою Мухаммеда, проѣзжавшаго мимо дома, на конѣ ангела. Служанки Ходиджи не видѣли ангеловъ паривших, но все таки это явленіе служило оправданіемъ для молодящейся вдовы, когда вскорѣ она предложила мечтательному красавцу свою руку, сердце и состояніе. Посредничество, и то для одного приличія, освященнаго вѣками, между нею и женихомъ велъ преданной ей рабъ Майсаръ.

Во взаимной любви и согласіи Мухаммедъ прожилъ въ супружествѣ съ Хадиджей 16 лѣтъ. Многое онъ за это время передумалъ, о многомъ поразмыслилъ. Преданія указываютъ много случаетъ близкихъ отношеній Мухаммеда и къ христіанамъ, и къ іудеямъ, и къ различнымъ сектантамъ. Вѣроученіе этихъ людей очень интересовало его-тогда какъ собственная религія его не удовлетворяла. Возвращался Мухаммедъ домой и здѣсь постоянно шла бесѣда о религіи. Люди, близкіе къ Хадиджѣ, ея родственники, Варака, Зейдъ и др., повидимому были проникнуты идеями іудействующихъ и здѣсь нерѣдко читалась Библія. Все это западало въ воспріимчивую душу Мухаммеда и оставляло въ ней слѣдъ. А затѣмъ, оставаясь наединѣ, онъ все это обдумывалъ приводилъ въ порядокъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ своихъ путешествіяхъ Мухаммедъ присматривался и ко многому другому. Онъ наблюдалъ жизнь и нравы людей, изучалъ нужды и интересы страны, заводилъ знакомства и старался знать, какъ свою родную страну, такъ и близъ лежащія.

По мухаммедскимъ преданіямъ, Мухаммедъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, ласковый, кроткій и уступчивый. Товарищи называли его—человѣкомъ правды и вѣрности,—правдивымъ во всемъ, что онъ говорилъ и что думалъ. Онъ молчалъ, когда нечего было говорить,—если же говорилъ, то умно и искренно. Его внѣшніе пріемы, манеры и рѣчи были необыкновенно привлекательны, проявляя уваженіе и любезность къ окружающимъ. Его домашній обиходъ отличался крайней простотой: ячменный хлѣбъ и вода составляли его обычную пищу. При встрѣчѣ со знакомыми, онъ всегда привѣтствовалъ ихъ; подавая руку, не отнималъ ее первый. Таковы отзывы о характерѣ и личности Мухаммеда за первый періодъ его жизни.

Проповѣдническая дѣятельность Мухаммеда въ Меккѣ. Бѣгство въ Медину.

До сорока лѣтъ Мухаммедъ не рѣшался выступить въ качествѣ проповѣдника. Но своихъ мечтаній о вѣрѣ и религіи не оставлялъ. Продолжая томить себя выспреннимъ настроеніемъ, онъ дошелъ наконецъ до той степени галлюцинаціи, когда личныя фантазіи и стремленія принимаютъ

желательные образы, а внутренній голосъ слышится исходящимъ изъ пространства, съ горныхъ вершинъ. Такъ, ему казалось, куда-бы онъ ни посмотрѣлъ, что предъ нимъ одинъ и тотъ же предметъ. Другой разъ онъ слышалъ голосъ, зовущій его: „Мухаммедъ, Мухаммедъ!“ Мухаммедъ оглядывался, прислушивается въ ту сторону, откуда шелъ голосъ, но ничего не видѣлъ.

Мухаммеду было извѣстно, что пророки и посланники получали откровенія чрезъ служителей Бога—ангеловъ, и преимущественно чрезъ ангела Гавріила. И вотъ внутренній голосъ Мухаммеда перешелъ путемъ галлюцинированія въ ангела, образъ котораго вполнѣ отвѣчалъ образу Гавріила, посѣщавшаго обычно Божіихъ посланниковъ.

На сороковомъ году жизни Мухаммеда въ ночь Аль-кадръ [1]) въ пещерѣ Хира впервые явился Мехаммеду, по вѣрованію мухаммеданъ, ангелъ Гавріилъ. Свое появленіе онъ обнаружилъ таинственно пронесшимся въ пещерѣ приказаніемъ: „читай“.—„Не могу“, былъ отвѣтъ Мухаммеда, „не умѣю“. Но тутъ онъ почувствовалъ, какъ ангелъ сдавилъ ему горло и повторилъ приказаніе читать. Мухаммедъ вновь спросилъ: „что читать и какъ читать, не зная грамоты?“. Три раза онъ отказывался читать, но ангелъ повалилъ его на землю и громко произнесъ: „читай во имя Господа твоего!“ Тогда Мухаммедъ прочиталъ и видѣніе исчезло.

Все это такъ повліяло на Мухаммеда, что онъ долго не могъ успокоится. Тоска, уныніе страхъ и отчаяніе, нападали на него. Были и такія мысли, что отъ не радъ былъ своей жизни и готовъ былъ покуситься на нее.

Преданія говорятъ, что съ этихъ поръ припадки повторялись, за ними слѣдовали мнимыя откровенія. Застигнутый пароксизмомъ, Мухаммедъ падалъ въ изнеможеніи на землю, затѣмъ начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось блѣднымъ и покрывалось потомъ. По временамъ онъ издавалъ звукъ, похожій на крикъ молодого верблюда. Это ангелъ посѣтилъ его, говорили вѣровавшіе въ него.

---

[1]) Аль-кадръ-ночь Божественныхъ опредѣленій. Въ ночь Аль-кадръ былъ ниспосланъ Коранъ (кор. 44, 2. 3; 97, 1—5).

Но что это было въ дѣйствительности? Вопросъ этотъ важенъ настолько, чтобы обсудить его подробнѣе. Видѣнія Мухаммеда съ сообщеніемъ ему божественнаго ученія— это галлюцинаціи слуха и зрѣнія. Подъ именемъ галлюцинаціи разумѣются ощущенія, возникающія въ нашемъ сознаніи не вслѣдствіе внѣшняго раздраженія дѣйствительно существующими предметами, какъ это бываетъ со всѣми обычными ощущеніями, а вслѣдствіе внутренняго самостоятельнаго раздраженія центра органа чувства, причемъ возникающее въ центрѣ органа ощущеніе относится во внѣшній міръ, какъ бы предметъ при этомъ видѣлся въ дѣйствительности. Всѣ ощущенія эти имѣютъ ту особенность, что они не представляютъ чего-либо новаго въ нашемъ сознаніи, а только лишь воспроизведеніе слѣдовъ прежде бывшихъ ощущеній.

Особенно мало отклоняются отъ дѣйствительности тѣ галлюцинаціи, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ импульсовъ изъ области представленій. Содержаніе галлюцинаціи можетъ зависѣть отъ содержанія нашего міровоззрѣнія, но появленіе и возникновеніе галлюцинацій стоитъ внѣ нашей воли и составляетъ болѣзненное состояніе центровъ органовъ чувствъ. Причиной галлюцинацій служатъ всѣ обстоятельства, ставящія центры органовъ чувствъ въ неправильныя условія существованія усиленный притокъ крови малокровіе, измѣненія сосудовъ, питающихъ органы чувствъ, и другія болѣзненныя процессы - крайняя возбужденность органовъ чувствъ, измѣненія состава крови запесеніемъ ядовитыхъ веществъ и проч.

Не имѣя понятія о возможности происхожденія подобныхъ явленій вслѣдствіе болѣзни, невѣжественные люди принимаютъ ихъ за дѣйствительность. Особенно этому благопріятствуютъ невѣжество, суевѣрія, убѣжденія больного въ возможности такого явленія, политическое и религіозное состояніе, фанатизмъ и настроеніе окружающей среды. То же самое было съ Мухаммедомъ.

Преданный всей душой вновь-создаваемой имъ религіи, живущій мыслями только о своемъ посланничествѣ, Мухаммедъ, весьма естественно, имѣлъ и соотвѣтственныя тому галлюцинаціи. Ему являлся ангелъ Гавріилъ и приказывалъ именемъ Божіимъ.

Ангелъ передавалъ приказанія о томъ, о чемъ Мухаммедъ самъ постоянно думалъ—о дѣлахъ вѣры, и почитаніи Бога. Въ силу своихъ убѣжденій Мухаммедъ считалъ вполнѣ возможнымъ такихъ посланниковъ Божіихъ. Такіе ангелы являлись же патріархамъ и передавали имъ повелѣнія Божіи. Нынѣ жители Аравіи нуждались въ обновленіи религіи и потому, естественно, Богъ могъ послать своего ангела вѣстникомъ богопочитанія. А такъ какъ онъ, Мухаммедъ, особенно много думалъ о богопочитаніи, то почему же не послать этого вѣстника именно къ нему, Мухаммеду. Въ силу этихъ соображеній Мухаммедъ не только принялъ, но даже и не могъ не принять эти галлюцинаціи за дѣйствительность, не могъ не увѣровать въ нихъ и не исповѣдывать ихъ ученіе.

Поэтому возможно думать, что вѣра Мухаммеда въ видѣнія и откровенія была искренняя вѣра, его убѣжденія въ своемъ избраніи были искренними убѣжденіями и его проповѣдь была искренняя проповѣдь.

По крайней мѣрѣ это слѣдуетъ сказать относительно перваго періода его проповѣднической дѣятельности.

Въ данномъ случаѣ было все за Мухаммеда: и среда, и обстановка, и вѣяніе времени, и общественныя теченія, и его личное мышленіе и убѣжденіе, и болѣзненное состояніе органовъ чувствъ. Поэтому говорить о какой-либо лжи, выдумкѣ и обманъ со стороны Мухаммеда нѣтъ никакого основанія, ибо всѣ дѣянія Мухаммеда находятъ себѣ полное оправданіе въ его болѣзненныхъ явленіяхъ, которыя у него несомнѣнно существовали. Помимо галлюцинаціи у Мухаммеда были припадки. Онъ терялъ сознаніе, падалъ въ судорогахъ, лицо становилось блѣднымъ, выступалъ потъ, припадокъ сопровождался дикимъ крикомъ, послѣ припадка на него нападалъ какой-то экстазъ. Эти припадки имѣютъ особенно важное значеніе, такъ какъ съ ними тѣсно связано самое откровеніе.

Подобные припадки въ наукѣ извѣстны уже давно и относятся къ болѣзненному состоянію, извѣстному подъ именемъ эпилепсіи. Эпилепсія такое болѣзненное состояніе, которое выражается припадками, длящимися нѣсколько минутъ, съ промежутками здороваго состоянія отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Эта болѣзнь является чаще всего

въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ. Бываютъ такіе случаи, когда болѣзнь пробывъ нѣкоторые время въ дѣтствѣ, затѣмъ прекращается; а въ зрѣломъ возрастѣ, при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, возвращается вновь.

Предвѣстникомъ эпилептическаго припадка являются галлюцинаціи органовъ зрѣнія, слуха, осязанія. Очень часто больные имѣютъ видѣнія, слышатъ голоса, ощущаютъ по тѣлу какъ бы вѣяніе вѣтерка. А затѣмъ начинается самый припадокъ. Больной съ дикимъ нечеловѣческимъ крикомъ падаетъ на землю, причемъ во всемъ тѣлѣ появляются судороги. Лицо становится бѣднымъ, багровымъ или краснымъ, глаза скошены, на лбу и тѣлѣ выступаетъ потъ; человѣкъ теряетъ сознаніе и остается нечувствительнымъ ко всему окружающему. Такъ длится припадокъ 3—4 минуты. Затѣмъ все стихаетъ, больной впадаетъ въ изнеможеніе и сноподобное состояніе. Проходитъ еще нѣсколько минутъ и человѣкъ опять въ себѣ.

Обращаемся къ Мухаммеду, въ припадкахъ котораго мы видимъ много общаго съ эпилепсіей. Утробная жизнь Мухаммеда сопровождалось, какъ извѣстно сильнымъ, душевнымъ потрясеніемъ его матери, которая со смертью мужа лишилась необходимыхъ средствъ существованія. Это горестное событіе отразилось болѣзненно не только на Аминѣ, но и на рожденномъ ею младенцѣ. Когда ему было пять лѣтъ, то ангелъ Гавріилъ, гласятъ мухаммеданскія преданія, захотѣлъ его очистить, послѣ каковой операціи пяня застала его „въ судорогахъ и блѣдномъ, какъ смерть“. Пять лѣтъ— это время наиболѣе частаго появленія эпилепсіи съ судорогами и смертельной блѣдностью. Весьма естественно, что припадки эпилепсіи у Мухаммеда начялись именно въ это время. Затѣмъ въ теченіи долгаго времени не имѣется свѣдѣній о припадкахъ у Мухаммеда. Только въ 40 лѣтъ они появляются вновь. Это совершенно возможно. Жизнь Мухаммеда предрасполагала его къ такимъ припадкамъ. Путемъ истощенія, утомленія и умственнаго напряженія онъ довелъ себя до возврата эпилепсіи. Припадки возобновилось, но только теперь въ худшей формѣ. Къ судорожнымъ припадкамъ присоединились галлюцинаціи. Эти припадки появлялись у Мухаммеда двояко: то въ видѣ судорогъ, то въ видѣ головокруженія. И тѣ и другіе припадки сопровождались зрительными и слуховыми галлюцинаціями.

Въ этихъ галлюцинаціяхъ воплотились давно переживаемые Мухаммедомъ образы, происшествія и мысли. Въ нихъ является ангелъ Гавріилъ съ цѣлью диктовать Мухаммеду тѣ мысли и то ученіе, о которомъ онъ постоянно думалъ, съ которымъ онъ неразлучно жилъ и которому онъ отдалъ жизнь. Но теперь это ученіе шло, по его мнѣнію, отъ Бога. Мухаммедъ искренно вѣрилъ въ это. Вѣрили въ это и близкіе ему люди.

Что же однако открывало Мухаммеду мнимо-божественное откровеніе и въ чемъ состояла его новая вѣра?

Проста и несложна была на первыхъ порахъ его вѣра и многимъ извѣстна.

Въ мірѣ есть только одинъ Богъ-Аллахъ, Господь. Онъ сотворилъ міръ и его поддерживаетъ. Въ Него одного должно вѣрить и отречься отъ идолопоклонства. Мухаммедъ пророкъ Его. Ему поручено предостеречь людей и возвѣстить имъ, что наступитъ воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ.

Все это истины давно извѣстныя и подробнѣе изложенныя какъ въ христіанствѣ, такъ и въ іудействѣ. Да Мухаммедъ и не выдавалъ ихъ за что-нибудь повое. Онъ самъ заявляетъ, что его ученіе—ученіе первыхъ патріарховъ.

Недоброжелательно отнеслись къ новому проповѣднику его сородичи. Въ него увѣровали только: Ходиджа, жена Мухаммеда, Алій и рабъ Зейдъ. Другіе же издѣвались надъ нимъ.

Прежде чѣмъ выступить открыто съ проповѣдью, онъ созвалъ на собраніе членовъ своего рода и объявилъ имъ о своемъ посланничествѣ и откровеніи. Всѣ они пришли въ негодованіе. Одинъ изъ дядей Мухаммеда, Абу Лахабъ, не выдержалъ и закричалъ: „О, чтобъ тебѣ удавиться! Такъ это ты за этимъ и созвалъ насъ!?“

Всѣ ушли, смѣясь и бранясь.

Но Мухаммедъ стоялъ на своемъ. Напрасны были усилія родственниковъ заставить его отказаться отъ принятаго имъ рѣшенія проповѣдывать новую вѣру.

Если бы мнѣ, говорилъ Мухаммедъ, давали солнце въ правую руку и мѣсяцъ въ лѣвую—съ тѣмъ, чтобы я оставилъ эти дѣло прежде, чѣмъ Богъ дастъ ему побѣду,—то я не оставилъ бы его.

Однако, не смотря на такую убѣжденность Мухаммеда въ своемъ дѣлѣ, его проповѣдь мало двигалось впередъ. Въ

теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣдователей у него насчитывалось только нѣсколько десятковъ, да и тѣ состояли изъ рабовъ и людей бѣдныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ они должны были терпѣть гоненія и насилія. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ Мухаммедъ рѣшилъ пойти на уступку корейшитамъ. Онъ рѣшилъ признать главнѣйшихъ боговъ Каабы. Явившись въ Каабу, онъ открыто заявилъ, что считаетъ Лата, Уззу и Манага—языческихъ идоловъ великими заступниками предъ Аллахомъ. Этимъ актомъ признанія Мухаммедъ примирился съ корейшитами и зажилъ спокойно. Но пророкомъ его не признавали.

Ничего не достигнувъ этой уступкой, Мухаммедъ замѣтилъ, что его сторонники были огорчены, увидѣвъ допущеніе многобожія Да и собственная совѣсть укоряла его и онъ отказался отъ своего признанія идоловъ (Кор. 53, 19—23).

Вражда мекканцевъ возгорѣлась снова, не смотря на то, что къ нему присоединились могущественные дѣятели, какъ Хамза, Абу-Бекеръ и др. Въ 617 г. съ нимъ и его послѣдователями жители Мекки прекратили всѣ общественныя сношенія, отказали имъ въ правѣ брачныхъ союзовъ, исключили изъ участія въ караванной торговлѣ, и такимъ образомъ, объявили Мухаммеда и его послѣдователей внѣ закона. Такое тягостное положеніе длилось два года. Дольше терпѣть его становилось не возможнымъ.

Въ это время на Мухаммеда обрушились и другія несчастія. Умерла Хадиджа, его вѣрный другъ; умеръ его дядя Абу Талибъ—старшина рода, который до конца жизни любилъ Мухаммеда и защищалъ его. Вмѣсто него сталъ старшиной рода Абу Лахабъ—врагъ Мухаммеда, отъ котораго чего-либо хорошаго ждать не приходилось.

Въ непріятное положеніе Мухаммедъ становился, когда требовали отъ него доказательства его посланничества. Язычники требовали отъ него чуда, такъ что Мухаммедъ вынужденъ былъ признаться, что онъ только наставникъ (Кор. 13, 8). Христіане и іудеи изобличали Мухаммеда въ незнаніи писанія и въ смѣшеніи откровеній писанія съ преданіями персовъ, арабовъ и т. п. Всѣ увѣренія Мухаммеда на этотъ счетъ остались тщетными. Онъ сталъ падать духомъ, терять вѣру въ успѣхѣ своего дѣла,—терять вѣру въ себя самаго.

Онъ призналъ, что его проповѣдничество въ Меккѣ безполезно. Уже нѣсколько разъ послѣдователи его до этого времени переселялись въ Абиссинію. Теперь Мухаммедъ рѣшилъ самъ перейти и перенести свою проповѣдь куда либо внѣ Мекки. Такимъ мѣстомъ онъ избралъ Ятрибъ, названный въ честь Мухаммеда Мединой. Въ 622 г. Мухаммеду удалось уйти изъ Мекки и благополучно прибыть въ Ятрибъ. Годъ переселенія Мухаммеда въ Медину считается первымъ годомъ мухаммеданскаго лѣтосчисленія.

Жизнь Мухаммеда и его проповѣдническая дѣятельность въ Мединѣ.

Недалеко отъ Ятриба Мухаммеда восторженно встрѣтили какъ магаджары [1]), такъ и ансары [2]). Мухаммедъ вошелъ въ Ятрибъ, какъ въ свой родной городъ, и съ тѣхъ поръ этотъ городъ въ честь его сталъ именоваться Мединой. Годъ переселенія Мухаммеда въ Медину считается первымъ годомъ мухаммеданскаго лѣтосчисленія.

Въ Мединѣ проповѣдь Мухаммеда пала на благодарную почву. Въ первые дни пребыванія въ Мединѣ обаяніе Мухаммеда достигла здѣсь непредолимой силы. Къ нему потянулись цѣлыя городскія части съ заявленіемъ своей вѣры въ него. Число послѣдователей Мухаммеда возросло до значительныхъ предѣловъ.

Вмѣстѣ съ этимъ происходитъ измѣненіе и въ характеръ Мухаммеда.

Продолжительная проповѣдническая дѣятельность убѣдила Мухаммеда, что кротость и любовь не даютъ своимъ поклонникамъ въ средѣ некультурныхъ народовъ никакой власти. Съ мирною проповѣдью онъ обращался къ жителямъ Мекки, къ іудеямъ и христіанамъ. И они не послушали его. Мухаммеду предстояло или обратиться въ рядового араба или промѣнять кроткое божество на варварскаго бога войны имести. И Мухаммедъ склоняется къ послѣднему.

---

[1]) Послѣдователи Мухаммеда, бѣжавшіе вмѣстѣ съ нимъ и прежде него изъ Мекки въ Медину.

[2]) Жители города Медины, увѣровавшіе въ Мухаммеда, какъ пророка и принявшіе его въ свой городъ.

Мекка родила мечтателя, энтузіаста, философа, котораго притѣсняли, оскорбляли и это тогда, когда онъ подъ вліяніемъ христіанства взывалъ къ человѣчности и милосердію. Успѣхи Мухаммеда въ Мединѣ вскорѣ преобразили его до неузнаваемости. Смиренный грѣшникъ Мекки, почувствовавъ подъ собою почву и опору основателя государства, довольно быстро обратился въ земного царя съ войсками знаменами и лязгомъ оружія. Поэзія его рѣчей уступила мѣсто приказамъ холоднаго разсудка, требовавшимъ вѣры въ него не только какъ въ пророка, но и какъ въ главу государства. Его откровенія не минуютъ теперь даже эротическихъ гаремныхъ сценъ и нерѣдко возбуждаютъ насмѣшки среди заведенныхъ теперь имъ многочисленныхъ женъ. Такъ. когда онъ изрекъ отъ имени Аллаха, что Аллахъ разрѣшилъ ему брать въ супруги всѣхъ вѣрующихъ женщинъ, которыя только пожелаютъ отдаться ему, не исключая дочерей, дядей и тетокъ, Айша—любимая его жена замѣтила ему довольно колко: „По истинѣ удивительно, что твой Господь всегда спѣшитъ изъявить согласіе на всѣ твои удовольствія“.

Вскорѣ по прибытіи въ Медину Мухаммедъ издалъ законоположеніе, которымъ опредѣлялась жизнь его послѣдователей. По этому законоположенію, всѣ его послѣдователи составляли одну семью, подчинявшую свои привычки, вкусы и привязанности исключительно требованіямъ религіи. Этотъ новый религіозный союзъ походилъ на воинствующій орденъ, каждый членъ котораго обязывался самымъ поступленіемъ въ исламъ разрывать всѣ связи, не исключая и семейныхъ, если онѣ только не отвѣчали требованіямъ Мухаммеда. Мухаммедъ не дѣлитъ своихъ послѣдователей на племена, а теперь существуютъ только правовѣрные и невѣрные. Правовѣрные должны жить въ мирѣ, забыть вражду и раздоры, помогать другъ-другу и стремиться къ подавленію и уничтоженію невѣрныхъ.

По истини можно подумать, что въ мединскій періодъ жизни Мухаммеда Аллахъ замѣнилъ ангела Гавріила другимъ безплотнымъ вдохновителемъ съ мрачнымъ челомъ и стальною десницею. И этотъ вдохновитель потребовалъ, чтобы тихое и свѣтлое чувство правды и истины поступилось, отошло на второй планъ и уступило свое мѣсто искуствен-

нымъ порядкамъ и стремленіямъ къ государственнымъ и законодательнымъ программамъ.

Мухаммедъ объявилъ мечъ орудіемъ распространенія вѣры: „Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то ссѣкайте съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія (кор. 47, 4; см: также 48, 16; 3, 164; 5, 39; 18 17). Мухаммедъ строго слѣдовалъ установленной имъ программѣ дѣйствій. Въ теченіе мединскаго періода вся жизнь Мухаммеда наполненабыла рядомъ войнъ и набѣговъ на торговыя караваны и на сосѣднія племена. Походы Мухаммеда противъ непріятелей почти всегда оканчивались полнымъ успѣхомъ, Побѣда слѣдовали за побѣдами и виды и предпріятія Мухаммеда распространялись по мѣрѣ его могущества.

Мухуммедъ настолько увлексяпоходами и грабежами, что даже не стѣснялся нарушать традиціи своего народа, освященныя вѣками. Вскорѣ по прибытіи его въ Медину, имъ былъ произведенъ грабежъ каравана въ одинъ изъ священныхъ мѣсяцевъ, въ которые всѣ враждебныя племена заключали между собою перемиріе и никакого насилія никто не осмѣливался производить. Правда, Мухаммедъ нашелъ оправданіе для этого случая: Богъ, говорилъ онъ скорѣе проститъ грабежъ, нежели идолопоклонство, а потому грабежъ и нападеніе на идолопоклонниковъ позволительно и въ священные мѣсяца. Но беззаконіе настолько было явно для всѣхъ, что Мухаммедъ самъ впослѣдствіи сознавалъ свою ошибку.

Перемѣнилъ тонъ Мухаммедъ и съ іудеями, которые жили въ значительномъ количествѣ въ Мединѣ. Въ Меккѣ и въ началѣ мединскаго періода Мухаммедъ дружилъ съ ними. Для привлеченія ихъ на свою сторону онъ назначилъ своимъ послѣдователямъ даже кыблу не въ Меккѣ, а въ Іерусалимѣ. Кыблою называется мѣсто, куда обращаются во время молитвы лицомъ. Но эта уступка Мухаммеда не принесла желательныхъ плодовъ. Іудеи и христіане, ссылаясь на свои священныя книги и видя несоотвѣтстіе ихъ ученія ученію Мухаммеда, не признавали его пророкомъ. Теперь Мухаммеду не было нужды заискивать у нихъ. И онъ рѣзко измѣнился къ нимъ въ своихъ отношеніяхъ. На обличеніе іудеевъ въ незнаніи ихъ священныхъ книгъ Мухаммедъ теперь

заявилъ, что не его ученіе не вѣрно, а іудейское, ибо Библія только частица божественнаго ученія а Коранъ цѣлое. Въ отмеску же за дерзость іудеевъ, Мухаммедъ отмѣнилъ кыблу Іерусалимъ, и возстановилъ прежнюю Мекку. На то были у Мухаммеда и другіе расчеты: требовалось возстановить значеніе Мекки, ибо онъ предвидѣлъ въ недалекомъ будущемъ тотъ моментъ, когда Мекка будетъ въ его рукахъ.

Оставивъ борьбу съ евреями путемъ разума и убѣжденія, онъ рѣшилъ посчитаться съ ними другимъ способомъ. Благо ихъ племена жили врозь, какъ и племена арабскія. Мухаммедъ слѣлалъ нападеніе на племя Бену-Кейпока—Это племя было уничтожено и добыча Мухаммеданъ была очень обильна. Вскорѣ и остальныя еврейскія племена были уничтожены.

Напрасно мекканцы пытались укротить новаго завоевателя. Послѣ нѣсколькихъ столковеній съ нимъ они сознали что это дѣло невозможное. Обезсиленные борьбою они заключили съ Мухаммедомъ перемиріе на 10 лѣтъ и дали ему возможность еще болѣе укрѣпиться и усилиться. Мухаммедъ поставивъ своею задачею объединеніе всей Аравіи, покорялъ одно племя за другимъ. Нападая на племена, Мухаммедъ или присоединялъ ихъ къ себѣ, или истреблялъ. Удача привлекала къ нему хищниковъ изъ пустынныхъ степей. Силы Мухаммеда росли. Побѣды давались легко. Область его владеній расширялась.

Немного прошло времеди и мекканцевъ постигла участь другихъ аравійскихъ племенъ. Мухаммедъ рѣшилъ взять Мекку неожидано. Собравъ десять тысячъ войска, онъ выступилъ въ походъ. Жители Мекки, узнавъ о многочисленномъ войскѣ, которые шло къ городу подъ предводительствомъ Мухаммеда, и сознавая свое безвыходное положеніе, отправили пословъ къ Мухаммеду, изъявляя ему совершенную покорность. Мухаммедъ во главѣ своего войска, подъѣхалъ на верблюдѣ къ воротамъ Мекки и, встрѣченный торжественно покорными жителями, безпрепятственно вступилъ въ священный городъ.

Не сходя съ верблюда, Мухаммедъ направилъ свой путь прямо къ Каабѣ и приступилъ къ очищенію мекканскаго храма отъ идоловъ, которые тотчасъ же въ числѣ триста шестидесяти были сброшены съ своихъ мѣстъ и раз-

рушены. Въ полдень съ вершины Каабы созванъ былъ народъ на молитву.

По совершеніи молитвенныхъ обрядовъ, Мухаммедъ отошелъ на холмъ и тамъ народъ Мекки, мужчины и женщины, проходили мимо него, принося клятву ему, какъ пророку Божію и отрекаясь отъ идолопоклонства.

Итакъ, еще восемь лѣтъ назадъ Мухаммедъ бѣжалъ изъ родного города, гонимый, позоримый и безпомощный, а нынѣ онъ смѣло восклицалъ: „О, Аллахъ, Аллахъ, ты исполнилъ свои обѣты, даровалъ рабу твоему могущество и покорилъ язычниковъ!“ Ушедши жалкимъ проповѣдникомъ, Мухаммедъ черезъ восемь лѣтъ явился великимъ повелителемъ. Мекка была у его ногъ. Теперь Мухаммеду оставалось сдѣлать въ Аравіи немногое. Племя за племенемъ сдавалось почти безъ боя, и скоро онъ сталъ обладателемъ всей Аравіи. Подъ его мощною рукою создалась могущественная все—арабская держава.

Послѣ этой важнѣйшей побѣды, Мухаммедъ прожилъ немного. Передъ смертью ему удалось испытать величайшее счастье—видѣть вѣнецъ торжества своихъ жизненныхъ дѣяній. Это было торжественное шествіе Мухаммеда въ Мекку изъ Медины на поклоненіе святынѣ. Шествіе сопровождалось несмѣтною толпою его послѣдователей. Мухаммедъ совершилъ всѣ священные обряды. Строгимъ соблюденіемъ древнихъ обрядовъ онъ хотѣлъ показать, что основанная имъ вѣра не есть что-ли новое, а только лишь обновленное и очищенное арабское богопочитаніе. Это та же религія праотца Авраама, родоначальника аравійскихъ народовъ, строителя Каабы и учредителя мекканскаго паломничества.

Мухаммедъ умеръ 8-го іюня 632 г. Но его вѣра только начинала жить. Она росла, развивалась и покоряла міръ. И долго она будетъ еще жить пока не уступитъ вѣрѣ болѣе живой, любящей всепрощающей, освященной самопожертвованіемъ и всеобщимъ миромъ.

Умирая Мухаммедъ сказалъ: „когда встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкайте съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете совершеннаго имъ пораженія! Плѣнныхъ держите въ крѣпкихъ оковахъ.“ (Кор. 47, 4).

Но люди получили и другой завѣтъ: „Обнажившій мечъ отъ меча и погибнетъ“. (Мѳ. 26, 52).

Приложеніе I.

Семейная жизнь Мухаммеда [1]).

Въ добавленіе ко всему скажемъ нѣсколько словъ о семейной жизни Мухаммеда, такъ-какъ безъ этого его личность была бы не вполнѣ очерчена.

Въ Коранѣ есть предписаніе, обращенное къ арабамъ: „Вамъ запрещено жениться на вашихъ матеряхъ, дочеряхъ, сестрахъ и теткахъ съ отцовской и материнской стороны, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ, дѣвицахъ, ввѣренныхъ вашему попеченію и происшедшихъ отъ женъ, съ которыми вы жили. Тѣмъ болѣе на дочеряхъ вашихъ сыновей, которыхъ вы произвели, или на двухъ сестрахъ“ (Кор. 4, 27). Общественная нравственность у арабовъ, какъ видимъ отсюда, стояла на самой низкой ступени. Мухаммедане, указывая на это постановленіе, утверждаютъ, что Мухаммедъ стремился къ исправленію общественной нравственности. Можетъ быть и такъ. Но несомнѣнно, что Мухаммедъ, разрѣшивъ себѣ неограниченное число женъ, не шелъ совершенно наперекоръ понятіямъ своего народа, а наоборотъ подчинялся имъ.

Число его женъ (9) и наложницъ, отнятіе жены и усыновленнаго пріемыша, Зейда, и многіе другіе факты изъ семейной жизни Мухаммеда показываютъ, что онъ былъ крайне плотоугодный и чувственный человѣкъ. О сладострастіи его знали повсюду. Ближніе возбуждали въ своихъ дочеряхъ любовь къ нему и приводили къ нему плѣнницъ, дальніе посылали ему въ подарокъ невольницъ. Извѣстно, что когда онъ умиралъ на колѣняхъ Айши, къ нему шла отъ начальника кипдитовъ какая-то красавица Кайтала, которая узнавъ о смерти сладострастнаго пророка, отпала отъ ислама и утѣшила себя на родинѣ другимъ супружествомъ. Страсть Мухаммеда къ женщинамъ не оставляла

---

[1]) Описаніе этой жизни заимствовано изъ соч. Ѳ. А. Смирнова: „Мухаммедъ въ фактахъ жизни и словахъ Корана“. Казань. 1891 года.

его и въ мечети. Во время богослуженія онъ шалилъ съ молоденькой Айшей, пряталъ голову свою подъ ея покрывало, ласкалъ ее и игралъ ея волосами. Недовольный тѣмъ, что эта жена его была тонка и худощава, онъ не постѣснился обратиться къ ея матери съ просьбою, не знаетъ ли онъ средствъ сдѣлать ее потолще. „Мать моя, говоритъ въ преданіи Айша, нашла что мнѣ ничто не можетъ помочь лучше огурцовъ и свѣжихъ финиковъ... питаясь ими, я немного потолстѣла“.

Иногда Мухаммедъ искалъ и ощущалъ удовольствіе въ пошлыхъ картинахъ сладострастія. Онъ любилъ раздѣвать своихъ женъ и, какъ говоритъ преданіе, въ такомъ состояніи погѣшался, глядя на нихъ и плеская ихъ водою. Играя съ Айшей, когда ей было семь лѣтъ, онъ поставилъ ее въ такую непристойную позу, что та обругала его.

Не довольствуясь обыкновеннымъ бракомъ, Мухаммедъ далъ примѣръ такъ называемаго брака на время, который практикуется и доселѣ въ странахъ шіитскихъ и который состоитъ въ союзѣ мужчины и женщины на условленное только время, заключается и расторгается безъ позволенія родителей и безъ всякихъ формальностей.

Свою страсть къ женщинамъ Мухаммедъ не только не скрывалъ, а выставлялъ, какъ добродѣтель. Молитва, благовонія и женщины—вотъ три предмета, которые онъ называлъ любимыми. Онъ даже хвастался предъ асхабами тѣмъ, что всѣхъ превосходитъ въ четырехъ вещахъ: въ силѣ, щедрости, массивности кулака и силѣ къ супружескимъ наслажденіямъ. Современники Мухаммеда не могли безъ удивленія смотрѣть на его безцеремонныя отношенія къ женщинамъ и различно выражались. Іудеи, напр., говорили: Мухаммедъ самый низкій человѣкъ, имѣетъ девять женъ и старается только жениться (Кор. 4, 57). Врагъ его, Абу Софіанъ, сравнивалъ его съ верблюдомъ, ноздри котораго неудержимы никакой уздой. А послѣдователь его Ибнъ-Аббасъ снисходительно сказалъ: „по истинѣ самый главный изъ насъ, т. е. Мухаммедъ былъ самымъ первымъ въ любви къ женщинамъ“.

Эта чувственность Мухаммеда, доходившая до цинизма, была причиною того, что имъ такъ много стиховъ въ Коранѣ отведено какъ на описаніе и защиту своего гарема,

такъ и на убѣжденія и угрозы женамъ. Вслѣдствіе той же чувственности Мухаммедъ не постыдился разрѣшить себѣ въ Коранѣ такое число женъ, которое не позволено другимъ: „Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары; невольницъ, какими владѣетъ твоя рука изъ той добычи, какую доставляетъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери; тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобой переселились сюда и всякую вѣрующую женщину, если она отдастъ себя пророку, если пророкъ захочетъ жениться на ней: это твое особенное право—не всѣхъ вѣрующихъ“ (Кор. 33, 49). Все это предметы только унижающіе Коранъ и говорить о нихъ въ видѣ какихъ бы то ни было откровеній могъ только такой человѣкъ, котораго омрачали страсти до невозможности отличить нравственное отъ безнравственнаго. Отсюда мы видимъ, что основатель Искама былъ простой восточный арабъ, со всѣми его слабостями, страстями, понятіями и вкусами. Вслѣдствіе этого онъ не могъ внести въ жизнь своего народа болѣе нравственныхъ совершенныхъ понятій и въ своей реформаторской дѣятельности явился только фокусомъ, въ которомъ отражаются всѣ свойства стараго араба язычника и изъ котораго происходятъ всѣ недостатки современнаго мухаммеданина. Религія освящала божественнымъ авторитетомъ то, что нравилось арабу и казалось ему естественнымъ.

Современные намъ мухаммедане держатся такой теоріи, что ихъ пророкъ былъ награжденъ Богомъ половой силой, равной силѣ сорока мужчинъ и что они сами почтены въ сравненіи съ вновѣрцами удесятеренною способностью. Они гордятся этимъ и поставляютъ себѣ въ особенную заслугу. Такая извращенность нравственныхъ понятій и самообольщеніе мухаммеданъ есть одна изъ причинъ ихъ косненія въ невѣжествѣ и распространенія среди нихъ всѣхъ видовъ разврата.

Что же такое послѣ всего этого женщина, по мнѣнію мухаммеданъ? Она—источникъ чувственныхъ наслажденій и больше ничего. Женщина въ мухаммеданскомъ мірѣ забитое, безправное существо, находящееся во всецѣлой власти своего мужа. Права, предоставленныя ей въ Исламѣ, можно по всей справедливости назвать насмѣшкой надъ человѣчески-

ми правами. Даже о положеніи ея въ загробномъ мірѣ въ Каранѣ говорится очень неясно и смутно. Между тѣмъ о мужчинахъ очень рельефно сказано, что они тамъ будутъ наслаждаться съ дѣвственницами гуріями.

Джигадъ, т. е. священная война, или, понимая въ широкомъ смыслѣ это слово, вообще враждебное отношеніе къ иновѣрцамъ и низкое положеніе женщины въ мухаммеданскомъ мірѣ—это два существенныя зла, препятствующія мухаммеданамъ наравнѣ съ другими народами идти по пути прогресса и развитія. Оба эти постановленія изданы Мухаммедомъ въ мединскій періодъ его жизни, когда онъ изъ мирнаго проповѣдника обратился въ грознаго воина; и изъ скромнаго юноши—въ сладострастнаго старика. Оба эти зла настолько вкоренились въ настроеніе мухаммеданъ, что они положительно не могутъ различать высоко-нравственнаго отъ грубаго и безнравственнаго. Даже среди образованныхъ мухаммеданъ являются апологеты—защитники мухаммеданскихъ порядковъ жизни [1]). Много потребуется отъ мухаммеданъ усилій и работы надъ собой прежде чѣмъ они освободятся отъ своихъ грубыхъ воззрѣній, освященныхъ ихъ религіей. Дай богъ, чтобы это случилось скорѣе.

Приложеніе II.

Сказанія мухаммеданъ о ночномъ путешествіи Мухаммеда на небо.

Невѣрующіе въ пророческое достоинство Мухаммеда неоднократно и настойчиво требовали отъ него чуда въ доказательство того, что онъ пророкъ (Кор. 6, 37). Будучи не въ состояніи сотворить что либо чудесное, Мухаммедъ отвѣчалъ, что вся его чудесная сила ограничивается полученіемъ

---

[1]) Напр. Г. Баязитовъ въ своей статьѣ: „Исламъ и прогрессъ“. С.-Петербургъ 1898 г.

съ неба коранических̀ъ поученій. Въ концѣ онъ былъ вынужденъ сознаться, что Богъ не уполномочилъ его творить чудеса, что онъ только простой наставникъ, вѣроучитель (Кор. 13, 8). Но требованія невѣрующихъ были настойчивы: только въ случаѣ совершенія Мухаммедомъ чуда они могли признать его за пророка. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы, въ Коранѣ появляется извѣщеніе о томъ, что чудо совершилось: „Хвала Тому, Кто въ нѣкоторую ночь содѣйствовалъ рабу своемусовершить путь отъ запретной мечети къ отдаленной мечети которой окрестности мы благословили для того, чтобы показать ему нѣкоторыя изъ нашихъ знаменій“ (Кор. 17, 1). По общему признанію мухаммеданъ здѣсь говорится о чудесномъ путешествіи Мухаммеда на небо. Мухаммедъ удержался отъ подробнѣйшаго описанія этого чуда. Впослѣдствіе мухаммедане расширили этотъ разсказъ. Ему усвоено было догматическое значеніе и онъ принялъ у нихъ грандіозные размѣры, какъ очевидное доказательство пророческаго достоинство Мухаммеда.

Обратимся къ его изложенію.

Была мрачная, страшно безмолвная ночь. Казалось вся природа замерла въ неподвижности, все и всѣ—нѣтухи, собаки, вѣтеръ, вода въ канавкахъ притихли и застыли. Мухаммедъ мирно покоился на ложѣ съ молодою супругою Айшею. Среди ночи Мухаммедъ услышалъ знакомый голосъ—„встань спящій!“ Открывъ глаза Мухаммедъ увидѣлъ Гавріила съ его 70-ю крыльями, въ хитонѣ, вышитомъ жемчугомъ и золотомъ. Перомъ крыла своего онъ опрокинулъ курильницъ съ водою и изъ него потекла вода. Ангелъ подвелъ къ Мухаммеду животное Аль-боракъ, говорившее человѣческою рѣчью, но имѣвшее хвостъ въ видѣ кометы, орлиныя крылья и вмѣсто глазъ звѣзды. Послѣ нѣкотораго сопротивленія горный и непокорный Аль-боракъ позволилъ сѣсть на себя Мухаммеду подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы ему дано было мѣсто въ раю. Вслѣдъ за этимъ Мухаммедъ во мгновеніе ока перенесенъ былъ изъ храма Мекки въ Акса (отдаленная мечеть—іерусалимскій храмъ). Совершивъ здѣсь молитву и напившись великолѣпію храма, Мухаммедъ на томъ же Аль-боракѣ и подъ руководствомъ ангела Гавріила понесся къ небесамъ.

Пространство, отдѣляющее преддверіе храма отъ перваго неба, настолько велико, что на прохожденіе его обыкновеннымъ шагомъ потребовалось бы пять столѣтій. Также громадны промежутки, отдѣляющіе одно небо отъ другого. Достигнувъ перваго неба, они встрѣтили семидесяти тысячный сонмъ ангеловъ, изъ которыхъ каждый начальствуетъ надъ другими, подчиненными ему, семидесятью тысячами ангеловъ. Ангелъ Гавріилъ постучалъ въ ворота. „Кто тамъ?— Гавріилъ.—Кто съ тобою?—Мухаммедъ.—Пророкъ Божій?— Да.—Да будетъ онъ благословенъ“. Отворились врата. Явилась какая то почтенная особа; оказалось, что это—праотецъ Адамъ Онъ привѣтствуетъ пророка и призываетъ на него благословеніе Божіе. Затѣмъ достигли второго неба (тотъ же церемоніалъ повторяется на каждомъ небѣ). Здѣсь находится Іоаннъ, сынъ Захаріи, и Гайса (Іисусъ), сынъ Маріи. На третьемъ небѣ обитаетъ Іосифъ, сынъ Іакова. Здѣсь же путники встрѣчаютъ ангела, у котораго пространство между двумя глазами равняется семидесяти тысячамъ дней пути. На четвертомъ небѣ они встрѣчаютъ Еноха,... на пятомъ—Аарона, у котораго одна половина бороды бѣлая, а другая половина черная. На шестомъ—встрѣчаютъ Моисея. На седьмомъ—Авраама, опершагося на книгу закона. Здѣсь же путники видятъ огромное множество ангеловъ, изъ которыхъ каждый въ тысячу разъ больше земли, каждый имѣетъ семь сотъ тысячъ головъ, и каждая голова семь сотъ тысячъ ртовъ, а каждый ротъ семь сотъ тысячъ языковъ. Каждый языкъвосхваляетъ Бога на семи тысячахъ разныхъ нарѣчій. Здѣсь ангелъ Гавріилъ говоритъ Мухаммеду, что не дозволено восходить на восьмое небо; иди туда одинъ. На вратахъ, ведущихъ въ это небо, начертаны слова: „нѣтъ Бога кромѣ Бога“. Здѣсь Всевышній начинаетъ бесѣдовать съ Мухаммедомъ, положивъ одну руку на плечо пророка, а другую на его грудь. При прикосновеніи божественной руки, пророкъ чувствуетъ холодъ, проникающій до мозга костей позвоночника.

Во время этой бесѣды Мухаммедъ получилъ отъ Бога повелѣніе предписать своему народу молиться пятьдесятъ разъ въ день. Но по совѣту Моисея, которому онъ сообщилъ объ этомъ повелѣніи, Мухаммедъ испрашивалъ у Бога дозволеніе уменьшить молитвы до сорока пяти. Ободренный пер-

вымъ успѣхомъ, Мухаммедъ обращается затѣмъ поперемѣнно то отъ Бога къ своему совѣтнику Моисею, то отъ Моисея къ Богу, умоляя его каждый разъ сбавить пять молитвъ такъ- что число молитвъ, наконецъ, уменьшено было до пяти въ день; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждая изъ нихъ стоила десяти молитвъ. Пророкъ хотѣлъ еще просить Бога объ уменьшеніи числа молитвъ, но Богъ сказалъ: „Мои слова непреложны“. На этомъ же небѣ Мухаммедъ видѣлъ молодыхъ дѣвъ, предназначенныхъ для праведниковъ, красота которыхъ превосходитъ все, что только можетъ создать прекраснаго наше воображеніе; если одна изъ нихъ появлялась на небѣ или въ воздушномъ пространствѣ, то она наполняла вселенную свѣтомъ, блестѣвшимъ ярче солнечнаго свѣта; если же она роняла въ море каплю слюны, то горечь водъ тотчасъ же замѣнялась сладостію меда.

Послѣ бесѣды съ Богомъ Мухаммедъ опять спустился въ Іерусалимъ, сѣлъ на Аль-борака, и въ одно мгновеніе отнесенъ былъ на то же мѣсто, откуда былъ взятъ. При возвращеніи изъ Іерусалимскаго храма ему захотѣлось пить. На пути встрѣтились ему купцы съ караваномъ. Онъ попросилъ у нихъ воды и утолилъ жажду.

Все это исполнилось чуднымъ образомъ и въ такое короткое время, что, возвратясь изъ своего путешествія, Мухаммедъ еще могъ остановить совершенное паденіе сосуда съ водою, который архангелъ Гавріилъ, улетая, задѣлъ крыломъ.

Мухаммеданскія преданія прибавляютъ къ сказанному что когда Мухаммедъ разсказывалъ о своемъ ночномъ путешествіе предъ большимъ собраніемъ народа въ Меккѣ, то многіе съ недовѣріемъ говорили ему: „Если ты былъ въ въ Іерусалимскомъ храмѣ, то опиши намъ его“.

Мухаммедъ смутился отъ этого неожиданнаго требованія и сказалъ: „Мнѣ трудно было разсматривать этотъ храмъ подробно, потомучто я былъ тамъ ночью и на короткое время“. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ Мухаммедъ успѣлъ осмотрѣть всѣ семь небесъ, если для него трудно было разсмотрѣть незначительный сравнительно съ небесами Іерусалимскій храмъ. Если путешествіе Мухаммеда на небо-чудо, то для него не должно бы быть никакихъ затрудненій. Если

же для Мухаммеда возникали затрудненія при осмотрѣ храма Іерусалимскаго, то тѣмъ меньшаго вѣроятія заслуживаютъ его разсказы о семи небесахъ, видѣнныхъ имъ во время ночного путешествія.

Но и помимо указанныхъ соображеній это мнимо чудесное событіе, происшедшее съ мухаммедомъ не имѣетъ подъ собой никакой реальной почвы.

Мухаммедъ, разсказывается, перенесшись въ Іерусалимскій храмъ, молился тамъ и удивлялся красотѣ зданія. Между тѣмъ Іерусалимскій храмъ былъ разрушенъ за шесть сотъ лѣтъ до появленія Мухаммеда. Слѣдовательно во время Мухаммда его не существовало. Нѣкоторые говорятъ, что этотъ храмъ существуетъ подъ именемъ Акса по-нынѣ. Но это совершенно несправедливо, потомучто мечеть, которая теперь носитъ это имя, имѣетъ общаго съ древнимъ храмомъ только то, что она построена на его развалинахъ вторымъ халифомъ Омаромъ послѣ того, какъ онъ завоевалъ Іерусалимъ. Позднѣе эту мечеть Омара реставрировалъ Саладинъ. Ясно, что Акса явилась послѣ Мухаммеда и онъ не могъ посѣтить этого храма.

Не подозрѣвая, что Іерусалимскаго храма не существуетъ, Мухаммедъ упомянулъ о немъ въ Коранѣ, какъ о существующемъ (Кор. 17, 1) и разсказывалъ, что былъ въ немъ. Халифъ Омаръ видѣлъ что Акса, о которой говорится въ Коранѣ, есть слово безъ существующаго предмета, и вотъ онъ построилъ въ Іерусалимѣ Акса, чтобы представить глазамъ потомства наглядное подтвержденіе того, о чемъ говорится въ упомянутомъ стихѣ Корана.

Потребовалось бы очень много времени и мѣста, если бы мы стали всесторонне разбирать этотъ разсказъ. Ограничимся указаніемъ еще на одно изъ его многочисленныхъ внутреннихъ противорѣчій. Каждое небо, по словамъ разсказа, занимаетъ пространство, на прохожденіе котораго требуется пять столѣтій (семь небесъ—одинъ милліонъ двѣсти пятьдесятъ одинъ день пути). Достигнувъ третьяго неба Мухаммедъ увидѣлъ здѣсь ангела, глаза котораго были раздѣлены пространствомъ въ семьдесятъ тысячъ дней пути. Такъ-какъ пространство между глазами человѣка составляетъ приблизительно семидесятую часть его роста, то мы должны допустить тоже пропорціональное отношеніе частей

и для этого ангела, если только не представлять его какимъ то безобразнымъ чудовищемъ. Стало быть высота этого ангела равняется произведенію семидесяти тысчъ дней пути, отдѣляющихъ одинъ глазъ отъ другого, помноженныхъ на семьдесятъ, т. е. равняется четыремъ милліонамъ девяти стамъ тысячамъ дней пути, а сумма высоты всѣхъ небесъ равняется только одному милліону двумъ стамъ пятидесяти одной тысчи дней пути. Отсюда явствуетъ, что не только третьяго неба недостаточно для пребыванія на немъ ангела, о которомъ идетъ рѣчь, но и всѣ семь небесь не могли бы вмѣстить въ себѣ подобнаго существа. Если мы сопоставимъ съ этимъ фактомъ другое сужденіе Сунны, которое гласитъ что Мухаммедъ своимъ ростомъ и красотою долженъ превосходить всѣ творенія рая, то окажется, что всѣ семь небесъ да и пространство въ три милліона дней пути до него недостаточны были бы для того, чтобы вмѣстить въ себѣ пророка.

Достаточно приведенныхъ двухъ фактовъ, чтобы лишить всякой правдоподобности разсказъ мухаммеданъ о мнимочудесномъ путешествіи Мухаммеда на небо.

Одно изъ двухъ: или путешествіе Мухаммеда на небо было видѣніемъ въ состояніи сна. Тогда это иллюзія, не соотвѣтствующая дѣйствительности. Но мухаммедане соотвѣтственно разсказу Мухаммеда склонны признавать, что это не видѣніе, а дѣйствительное путешествіе Мухаммеда на небо въ бодрственномъ состояніи съ тѣломъ. Въ этомъ второмъ случаѣ сказаніе о ночномъ путешествіи необходимо признать вымысломъ, который послѣ тщательной провѣрки отказывается исполненнымъ внутреннихъ противорѣчій и неправдоподобности.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о времени путешествія Мухаммеда на небо. Не успѣла вода пролиться изъ кувшина, опрокинутаго ангеломъ Гавріиломъ, Мухаммедъ совершилъ свое путешествіе на небо. Это чудо, говорятъ мухаммедане. Допустимъ такъ. Но при возвращеніи изъ Іерусалима къ своему дому Мухмммедъ встрѣтилъ купеческій караванъ, выпросилъ у купцовъ воды и утолилъ жажду. Пилъ Мухаммедъ воду чувственнымъ образомъ, купцы были дѣйстви-

тельные люди. Вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ внѣ чудеснаго событія, происшедшаго съ Мухаммедомъ. Для того, чтобы достать воды и дать ее Мухаммеду, они должны были употребить извѣстное количество времени; равное количество времени съ ними на процессъ утоленія своей жажды долженъ быть потратить и Мухаммедъ. И это время, потраченное Мухаммедомъ вмѣстѣ съ купцами на утоленіе его жажды гораздо продолжительнѣе одного мгновенія, въ которое, какъ разсказываютъ Мухаммедане, Мухаммедъ совершилъ свое путешествіе. Въ этомъ отношеніи опять въ разсказѣ нельзя не видѣть противорѣчія, ясно свидѣтельствующаго о томъ, что попытка Мухаммеда вселить въ людяхъ вѣру въ происшедшее съ нимъ чудо, не можетъ быть признаки вполнѣ удачной [1]).

Я. Кобловъ.

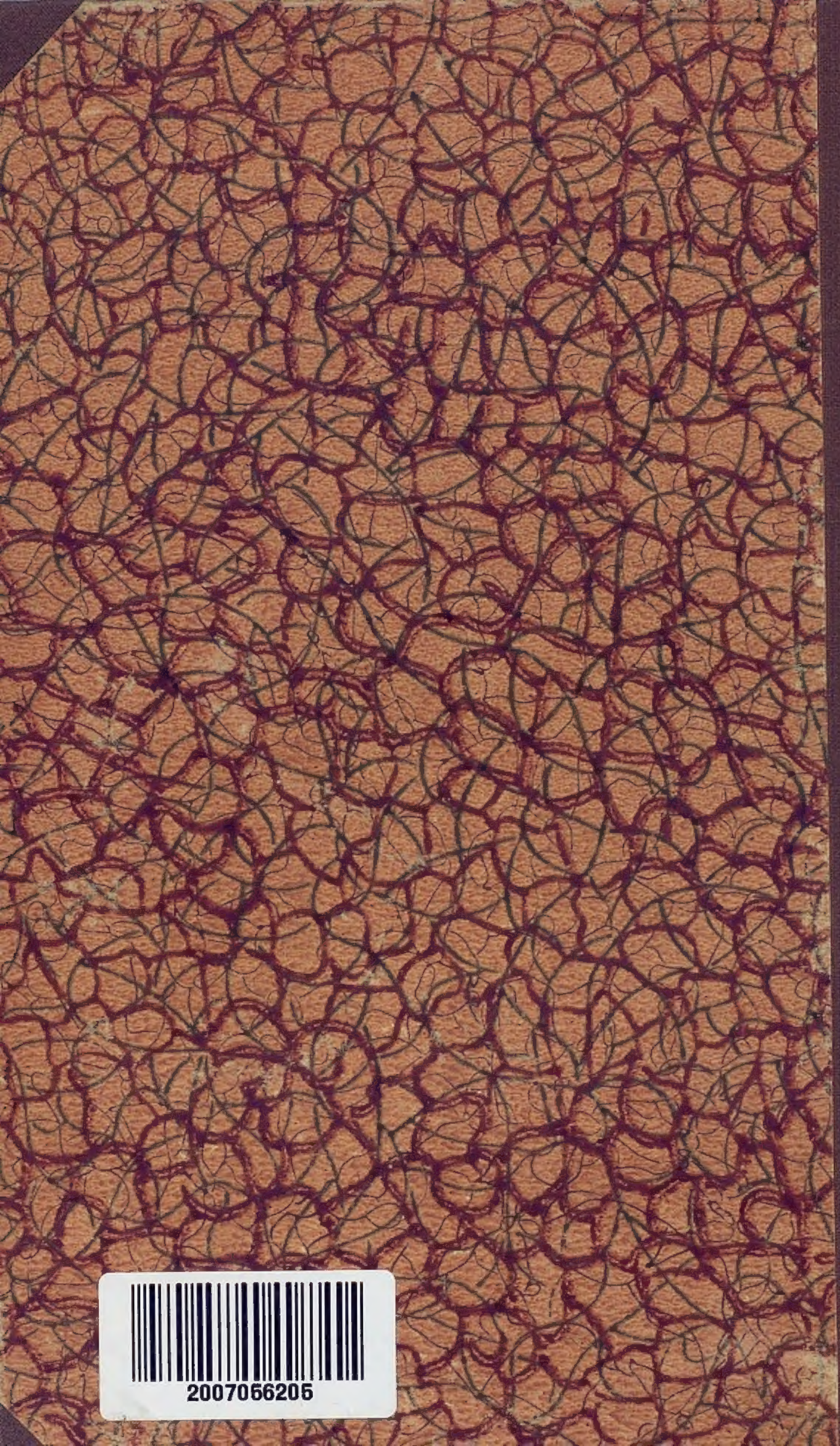
---

[1]) Книги, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія для составленія краткой исторіи жизни Мухаммеда: Вл. Череванскій. «Міръ Ислама и его пробужденіе». С.-Петербургъ. 1901 г. ч. I. Ѳ. Смирновъ: «Мухаммедъ въ фактахъ жизни и словахъ Корана». Казань 1891 г. «Магометъ—психіатрическій эскизъ» проф. Ковалевскаго, см. Сѣверный Вѣстникъ 1897 г. сентябрь. Девлетъ-Кильдѣевъ. «Магометъ, какъ пророкъ». С.-Петербургъ. 1881 г. В. Ирвингъ: «Жизнь Магомета», пер. съ англійскаго П. Кирѣевскаго. Москва. 1857 г. «Пророкъ Магометъ, его вѣроученіе и мусульманское сказаніе о томъ, какъ онъ путешествовалъ на небо» неизвѣстнаго автора. Москва. 1900 г. Миссіонерскій сборникъ—выпуски XII и XIX. Коранъ—законодательная книга мухам. вѣроученія. Переводъ съ арабскаго Г. Саблукова. Казань. 1895 г. «Разсказы мухаммеданъ о кыблѣ», Г. Саблуковѣ. Казань. 1889 г. «Ключъ къ Корану» Аббата Бургада. Переводъ съ французскаго. Оренбургъ. 1897 г. «Первые годы жизни Мухаммеда» (по Шпренгеру). См. Православный Благовѣстникъ за 1902 годъ.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій**

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій по Казанской епархіи за 1903 годъ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.


2007066205